

*Smrtna nedele,
Kdes klíč poděla?
— Dala sem ho, dala
Svatěmu Juři,
Aby nam otevřel
do raja dveři,
Aby Juři vstal
Pole odmykal,
Aby tráva rustla,
Tráva zelená*.*

* *Смертное воскресенье,
Куда ты дело ключ?
— Я дало его, дало
Святому Юрию,
Чтобы он нам открыл
Двери рая,
Чтобы Юрий
Ототкнул поле,
Чтобы росла трава,
Трава зелёная.*

Эту песню поют в восточной
Моравии в Смертное воскресенье
(предпоследнее перед Пасхой).

*Сто звёзд зелёных
плывут над зелёным небом,
не видя сто белых башен,
покрытых снегом *.*

* Фрагмент стихотворения Федерико Гарсиа Лорки «В глубинах зелёного неба», перевод М. Кудинова.

ПЕРВОЕ МОРЕ

ЦВЕТА ЗЕЛЁНОЙ ДЫМКИ,
ЦВЕТА ЗЕЛЁНОЙ БУТЫЛКИ, ЦВЕТА АМБРОЗИИ,
ЦВЕТА ЗЕЛЁНОГО ЗАВИТКА

ЭНА ВСЁ ЕЩЁ ЗДЕСЬ

.....
февраль 2020 года

Эна уходит так постепенно, что никто не видит, не знает, не чувствует, что она уже начала уходить.

Эна не принимала такого решения. Не выбирала подходящую дату и способ ухода. Для неё самой это тоже сюрприз. Просто Эна всегда всё делает вовремя, иначе, хоть застрелись, невозможно, такова её суть. Любой процесс, если к нему хоть каким-то боком причастна взрослая Бездна, всегда будет протекать правильно и своевременно — без каких-то её специальных усилий, сам собой.

Когда Эна сюда пришла, она вломила в реальность грубо, не церемонясь, сразу вся целиком. Она не для собственного удовольствия так поступила, а исключительно из уважения к местным законам природы: туда, где материя грубая и тяжёлая, входить следует тоже грубо и тяжело.

Зато уходить отсюда надо медленно, осторожно, аккуратно извлекая себя из мира, который уже так привык к постоянному присутствию Бездны, что перестал считать её гостьей. Вот-вот, чего доброго, сам поверит, будто он на Бездне как на мифической черепахе стоит.

И не ровен час, рухнет буквально от нескольких резких движений. Жуть какой неустойчивый мир! Хотя на самом деле это как раз нормально, известное дело: реальность, созданная из жёсткой материи, обычно получается хрупкая, как листовое стекло. Проще простого разбить её вдребезги, но этого Эне совершенно точно не надо. Бездне не следует становиться причиной поломки чего бы то ни было. Смысл существования взрослой Бездны — не крушить, а способствовать исправлению всего, что под руку попадёт.

Поэтому Эна уходит так медленно и незаметно, что будь она ещё молодой неопытной Бездной, сама бы, пожалуй, не поняла, что с ней происходит. Решила бы, это просто настроение сегодня какое-то странное, восторженное и печальное, словно счастья, как прежде, в избытке, но не хватает чего-то — кого-то? себя? И сердце — у Бездны, конечно, есть сердце, без сердца Бездне нельзя — в общем, сердце как-то подозрительно ноет, словно уже почти безнадежно влюбилась, но в кого именно, не решила, подходящий объект пока не нашла. Интересно, где такое необычное настроение подцепила? Чьё оно? Из какого вылетело окна? Или из трубы с печным дымом? Или с музыкой, донесшейся издалека? Или просто ветром его наваяло? Ох уж эти тёплые южные ветры в разгар февраля.

Но Эна взрослая Бездна, поэтому она не гадает, откуда взялось настроение, а констатирует: я уже ухожу. В этот момент из окна первого этажа дома на улице Полочко раздаётся громкий крик: «Мантас! Пора обедать!» Мать зовёт сына домой, а мальчишка, гоняющий мяч с друзьями, орёт в ответ: «Ну пожалуйста! Ещё полчаса! Мы только разыгрались!» Рыжая тётка, которой здесь кажется Эна, невольно улыбается: вот спасибо! Такой молодец, высказался за меня.

Однако Эна уходит, и тут ничего не поделаешь. Иногда это происходит помимо её желания, даже ему вопреки — если Старшая Бездна так разыгралась, что мир, который она гоняет, как мяч, вот-вот затрещит по швам. В этом смысле Бездны, как уже было сказано выше, чрезвычайно удачно устроены: такова их природа, что они не могут ломать и вредить.

Кого действительно жалко, так это Тони, — весело, как Бездне положено, но всё-таки очень по-человечески думает Эна. — Не нагулялся как следует. Не повезло! Только-только научился мною на кухне командовать и начал входить во вкус, как вдруг я вероломно увольняюсь по причине внезапного форс-мажора. В настолько буквальном смысле, что даже немного неловко. Привет, я непреодолимая высшая сила, внезапно вмешалась в текущие обстоятельства и пришла расторгнуть наш рабочий контракт.

Ладно, — говорит себе Эна, — уходит дело не быстрое, пару недель как минимум тут ещё задержусь. Успею ещё помочь ему по хозяйству. Жалко, конечно, что даже в наваждении класса эль-восемнадцать нельзя перемыть всю посуду заранее, на несколько лет вперёд! Зато картошки вполне можно начистить с запасом, новая кожа раутро не отрастёт.

На самом деле Эна конечно довольна — Эна всегда довольна тем, что с ней происходит. И уже нетерпеливо прикидывает: что дальше? Лучший в мире, самый желанный вопрос! Правильный ответ: дальше — всё, что тебя пожелает, потому что ты-то сама желаешь сразу всего.

Эне заранее нравятся все возможные варианты — если ты Бездна, тебе не может не нравиться то, что однажды случится не с кем-нибудь, а с тобой. Но в радостном предвкушении перемен Эна явственно ощущает горькую нотку, как будто ей — жалко? это же так называется? —

в общем, не хочется расставаться с теми, кто здесь. Эне нравится горечь, взрослые Бездны обычно ничего подобного не испытывают. Но Эна узнаёт это чувство. С ней уже было что-то похожее. Когда-то почти бесконечно давно.

В детство я тут с ними впала, — думает Старшая Бездна. — Ужас в том, что этим городом, похоже, действительно правит любовь. Чем бы она ни прикидывалась, какие бы формы ни принимала, это точно она, я её узнаю.

Да что ж за реальность такая хлипкая, — с весёлой досадой думает Эна. — Только разыгрались, и всё, хватит, привет. Я же теперь, чего доброго, — изумлённо думает Эна, — скучать по ним буду. По-настоящему! Как, к примеру, поэты тоскуют о мёртвых возлюбленных. Интересно, как себя чувствуют те, по кому соскучилась Бездна? Как им живётся, что снится? Что томит, какие обуревают желания? Вот заодно и проверим. Когда-нибудь ещё встретимся, в вечности все встречаются. Расскажут потом.

Но скучать буду после, — говорит себе Эна. — Не сейчас! Рано пока начинать. В этой реальности время всё-таки по большей части линейное. Здесь сперва надо расстаться как следует, а уже потом начинать скучать.

Я

.....
февраль 2020 года

Я говорю: «Ерунда, ничего не бойся!» — вполне человеческим голосом. Ну, насколько может говорить человеческим голосом пьяный туман. Не в том смысле пьяный, что сам как свинья нажрался, а в том, что у каждого, кого я окутаю, земля уйдёт из-под ног, и сладко закружится

голова, хоть за руль не садись в таком состоянии; впрочем, никто и не сядет, где он сейчас, тот руль.

Я повторяю почти человеческим голосом: «Всё нормально, не бойся, видишь, я — целый я, не баран чихнул! — здесь с тобой», — и девчонка смеётся, словно видит меня не только глазами, но и насквозь. Вот за что я люблю девчонок: они часто сразу платят за чудо лучшей на свете валютой — удивляют меня. Никогда не знаешь заранее, что она скажет, какой ерунды испугается, от какого лютого ужаса отмахнётся, почти не заметив, и в какой момент ей станет смешно. Вот и этой сделалось страшно, когда под ногой ветка хрустнула. Просто дурацкая ветка! Что идёт уже четверть часа через изменившийся до полного неузнавания призрачный мерцающий мир, так это типа нормально. А что с нею при этом туман человеческим голосом разговаривает, так это, оказывается, даже смешно.

На вершине холма я наконец расступаюсь, стекаю к её ногам такими густыми клубами, словно она стоит в облаках, а не на твёрдой земле. Шепчу напоследок: «Это тебе, дорогая. Весь мир — тебе», — и исчезаю, как положено наваждению. Девчонке не до меня, ей сейчас открылся лучший на свете вид на невозможную мешанину из фрагментов ночного города и его тайной изнанки — слева сияет искусно подсвеченный костёл Святых Иоаннов, справа — древний храм Примирений, бывшее святилище Неизвестных Богов. Пусть стоит, пусть смотрит, пусть будет. Неважно, чем дело кончится, потому что оно для неё уже никогда не кончится. Опыт есть опыт, он — навсегда.

А обратно она потом как-нибудь выберется. Чего тут не выбраться, с холма не только тропинка протоптана, здесь даже лестница есть. И светло — спасибо, дорогая Луна, не представляю, как ты ухитряешься в самой последней четверти так ярко сиять, но доброе дело делаешь.

Ты крута, — думаю я, стекая по склону холма гораздо быстрее, чем туманам положено. Каким-то, прости господи, водопадом. Потому что меня ждут друзья.

* * *

Стефан и Нёхиси уже на краю могилы. В смысле, отлично устроились на обломках ограды одной из самых старых могил Бернардинского кладбища. У нас тут сегодня пикник. Не по какому-то особому поводу, а просто для разнообразия. Глупо ограничиваться кофейнями и кабаками, когда у тебя есть весь мир, включая Бернардинское кладбище, где почти никто не гуляет зимой, даже такой тёплой, как нынешняя, и это делает его идеальным местом для пикников.

Строго говоря, на краю могилы сейчас только Стефан. А Нёхиси над Стефаном и могилкой беспардонно парит, специально приняв для этого физкультурного упражнения облик воздушного змея, оранжевого, как апельсин; по его словам, если стать очень плоским и очень хвостатым, можно испытать от полёта какой-то особенный кайф, которого ни в какой другой форме хоть застрелишь, не получишь, а тёплые цвета — оранжевый, алый, жёлтый — делают удовольствие изысканно утончённым. Ему, конечно, виднее, мне в такие нюансы вдаваться сложно, я не настолько гурман.

— На полчаса опаздывать это уже вообще ни в какие ворота, — говорит мне Стефан, показывая кулак; ну, это нормально, он всякий раз при встрече непременно находит какой-нибудь повод погрозить мне кулаком. Я подозреваю, это потому, что Стефан — человек старой школы, настоящий олдскульный шаман, битком набитый всякими древними суевериями; вот совершенно не удивлюсь, если кулак — ритуал, который, по замыслу, должен меня укрощать. Это, положив руку на сердце, всё-таки вряд ли, не настолько я демон, чтобы шарахаться от шаман-

ского кулака, но Стефан есть Стефан, ради него я готов на многое, и чтобы его не расстраивать, иногда притворяюсь, будто слегка усмирился — ну, как я себе представляю демоническое смирение. Я-то точно не старой школы. И вообще никакой.

Вот и сейчас я смиренно усаживаюсь на останки могильной ограды рядом с паном начальником Граничной полиции, смиренно отнимаю у него кусок ещё тёплого пирога с чем-то неопикуемым и смиренно, но торопливо, пока владелец пирога не опомнился и не попытался забрать мою добычу обратно, жую.

Но вместо того, чтобы возмутиться, Стефан почему-то одобрительно улыбается. Никогда его не поймёшь!

— Вот это ты правильно, — говорит он. — А то явился прозрачный, как привидение. Давай, жуй и материализуйся уже окончательно. Что с тобой такое случилось?

— Даже на пару часов без присмотра оставить нельзя! — вставляет оранжевый воздушный змей, то есть, Нёхиси. И укоризненно щекочет мне нос своим длинным хвостом.

— Да ничего не случилось, — говорю я с набитым ртом. — Просто слишком быстро из тумана стал человеком. Но не сдуру, а потому что к вам спешил. Глупо же приходиться... напоздать на пикник в виде тумана и печально смотреть, как хищные антропоморфные сущности алчно пожирают судьбой предназначенные тебе пироги. Запивая... а кстати, чем у нас в этом сезоне пироги запивают? С огненной водой материализация идёт веселей!

— Тёмный ром у нас нынче вечером в тренде, — говорит Стефан и протягивает мне бутылку Бакарди.

— Судя по тому, какие тут слёзы остались, не очень-то вы без меня скучали, — ворчу я, просто так, для порядка. И потому, что надоело изображать смирение от кулака.

— Ну так тоску заливали же! — ухмыляется Стефан. А Нёхиси, перекувыркнувшись три раза, гулким басом вещает с неба:

— Сам убежал за первой попавшейся юбкой, а мы тут, значит, трезвыми сиди?

— За штанами, — говорю я. И укладываясь на землю. Потому что пироги и ром, конечно, дело хорошее, но иногда эта чёртова материализация жрёт кучу сил, так что даже сидеть становится невозможно, только пластом лежать.

Из тумана в человека, по уму, вообще лучше во сне превращаться, но когда это я поступал по уму. С другой стороны, лежать на влажной твёрдой холодной земле не до конца овеществившимся телом очень приятно, а я — гедонист.

— За штанами? — заинтересованно переспрашивает Стефан.

— Девчонка была в штанах, а не в юбке, — объясняю я, протягивая ещё слегка прозрачную, но уже вполне загребушую руку в направлении свёртка с остатками пирога. — Такая хорошая, вы бы на неё посмотрели. Явно не местная. Откуда-то приехала к нам и тут же влюбилась по уши, как таким отличным девчонкам положено, в весь город сразу, с изнанкой, чудовищами, путями в неведомое, в его тайные тени и несбывшиеся вероятности. Короче, во всё, что тут есть, включая невидимое, но явственно осязаемое, а значит, и в нас. Даже в первую очередь, в нас! Она и без меня уже бродила счастливой сомнамбулой, я только чуть-чуть помог.

— Чем именно ты ей помог? — спрашивает Стефан с такой характерной профессиональной заинтересованностью, явно прикидывая, не выписать ли мне люлей за мистические издевательства над детьми человеческими. Для начала — над одним конкретным человеком.

Я бы с удовольствием ему подыграл, просто чтобы поддержать свою репутацию кары господней, но сейчас мне лень лжесвидетельствовать против себя. Поэтому я только зеваю:

— Да ну тебя, не хипеши. Считай, просто под ручку с ней прогулялся. Недалеко, на ближайший холм. По дороге даже голову ей не морочил, только смешил немножко. И застилал глаза. Никакой отсебятины, всё как она заказывала, когда мечтала о чудесах. Хотела неба в алмазах, вот и получила небо в алмазах. Я так рад! Если бы пришлось из всех моих нынешних возможностей оставить только одну, выбрал бы именно эту — иногда становиться чудом и на кого-то обрушиваться. Случаться с тем, кто меня сможет взять. Мне это кажется самым прекрасным делом на свете. Вот правда. Слишком хорошо помню, что такое быть человеком, ежедневно расшибающим лоб о бетонную стену, отделяющую тебя от всего, что имеет смысл. И что с тобой происходит, когда эта стена рушится, и по твою душу приходят прекрасные, страшные, невообразимые, совсем не такие, как ты себе представлял, потому что представлять тогда было некому, нечем — чудеса. Из этого, видимо, следует сделать вывод, что я — сентиментальный дурак. И дать мне — нет, не по шее, а выпить. Потому что иногда божественное милосердие просто обязано проявляться вот так.

— Ты отличный, — твёрдо говорит оранжевый змей и наконец спускается с неба на землю, садится рядом со мной, приняв почти безупречно человеческий облик. Не то от избытка чувств, не то сообразив наконец, что пока он болтается в небе, мы со Стефаном под возвышенные разговоры прикончим и выпивку, и пироги.

— Не дурак, а просто псих, каких поискать, — ухмыляется Стефан, протягивая мне бутылку. — В смысле, нормальный художник — в широком смысле, the Artist,

я бы сказал. Хлебом тебя не корми, дай кого-нибудь сразить наповал. День зря прожит, если по твоей милости никто ни разу не чокнулся! Каким ты был, таким и остался. От своей подлинной сути даже в самую чудесную судьбу не сбежишь.

— Да чего от неё бегать, — в тон ему отвечаю я, приподнимаясь на локте. — Пусть будет. Годная у меня оказалась суть.

— Это лучшее, чему я у тебя научился! Сразать наповал, и чтобы все по моей милости чокнулись, — говорит Нёхиси, отнимая у меня бутылку. Даже, я бы сказал, ловко её подхватывая, пока она не выскользнула из моих ослабших от удивления рук. Всё-таки когда всемогущее существо говорит: «Я у тебя научился», — это, будем честны, очень странно звучит.

— Раньше, — продолжает Нёхиси, победительно размахивая добычей, — я всегда ставил вопрос таким образом: «Какого рода удовольствие я от этого получу?» А теперь первым делом думаю: «Интересно, какой будет эффект?» Удивительная позиция. Для таких, как я, по идее, совершенно абсурдная. Для меня любые изменения мира естественны, как дыхание, я сам — действие и процесс. Какое мне может быть дело до результата, до эффекта, который исчезнет в вечности, сменившись каким-нибудь новым, прежде чем я удосужусь его разглядеть? И вдруг всё так удачно сложилось, прямо одно к одному: и от полного всемогущества пришлось отказаться, чтобы тут с вами пожить, и время потекло медленно, и изменений, которые я вношу, стало гораздо меньше — по сравнению с привычным ритмом существования, я здесь, можно сказать, на пляже лежу. И как счастливый пляжный бездельник часами пялится в небо, разглядывая облака, так и я могу любоваться результатами собственных действий. Но что их можно специально планировать, чтобы вышло не как попало, а за-

ранее задуманный эффект — это мне ты подсказал. Так что я теперь тоже художник! И это, как всякий полуженный опыт, уже навсегда.

— Богема беспутная, — с удовольствием соглашается Стефан. — Эй, богема, бутылку не зажимай!

— Кстати о богеме, — говорит Стефан, отставив в сторону пустую бутылку так беспечно, что сразу становится ясно, у него припрятана как минимум ещё одна. — Ты вообще в курсе, что картины твои объявились?

Я открываю рот, чтобы спросить: «Ты о чём?» — но уже и сам понимаю. Были картины. Я же правда когда-то просто красками по холсту рисовал.

— Ясно, значит, не в курсе. — Стефан почему-то выглядит таким довольным, словно лишний раз показал мне кулак.

Я лихорадочно соображаю: это он о каких картинах? Если о тех, которые я всем подряд раздавал, вообще не проблема. Пусть будут, они не считаются, ерунда. А если... Да ну, нет. Быть такого не может. Я же...

— Те, которые ты сжигал, — ухмыляется Стефан. — Можно сказать, приносил в жертву, сам не зная кому. И главное, всё у тебя получилось! Вот чему я с тобой до сих пор удивляюсь: какую дурость ни сделаешь, всё тебе впрок.

Мне, по-хорошему, надо бы сейчас огрызнуться. Или хоть отшутиться. Но не могу. Сказать, что я сражён и растерян, — ничего не сказать. Похоже, новомодное заклинание «Картины твои объявились» гораздо эффективней старорежимного шаманского кулака.

Наконец спрашиваю:

— А где именно они объявились? Если у твоих приятелей из Небесной Канцелярии в не пойми каком измерении, тогда всё нормально. Затем их, можно сказать, и жёг.